

Автор сумел показать многообразие идей и теорий, которые оказали влияние на научное мировоззрение историка (марксизм, позитивизм, психологическая школа в социологии, государственная школа, московская историческая школа, и т.д.). При этом в книге последовательно проводится мысль, что Рожкова нельзя считать, как это делалось ранее, эклектиком в теоретико-методологическом плане. Подчёркивается, что в его взглядах органично сочетались элементы различных теорий. На основе этих наблюдений Волобуев делает вывод, что концепция Рожкова «представляла собой оригинальное историографическое явление, отразившее поиски синтеза новых для того времени методологических подходов к пониманию процессов общественного развития» (с. 304). Не мог исследователь пройти и мимо вопроса о месте марксизма во взглядах историка. Спор о том, был ли Рожков марксистом или нет, продолжается уже давно. С точки зрения Волобуева, марксизм в мировоззрении учёного легко уживался с позитивизмом, что объяснялось ещё и тем, что у этих двух направлений научной мысли было много точек соприкосновения.

Несмотря на склонность к теоретизированию, в своих построениях Рожков старался оставаться на прочном основании фактического материала. Однако

нередко возникало противоречие между желанием историка объяснить многообразие явлений через призму своей схемы и добросовестностью «зрудита и любящего факты историка» (с. 215). К сожалению, недостаточно подробно разбирается фундаментальная монография «Сельское хозяйство Московской Руси в XVI веке». Между тем, если широкомасштабные теории историка основательно подзабыты и многими рассматриваются сугубо историографически, то его конкретно-историческое исследование до сих пор пользуется заслуженным авторитетом.

О.В. Волобуев подчёркивает, что во многом построения Рожкова соответствуют современной научно-исторической картине прошлого. Он подробно останавливается на знаменитой теории психических типов, считая, что наработки историка «должны занять видное место в историографии социальной психологии» (с. 291). В целом монография позволяет полнее представить развитие отечественной исторической науки и общественно-политической жизни в конце XIX и первые десятилетия XX в. Без сомнения, она будет способствовать популяризации идеи Н.А. Рожкова среди современных историков, поможет выявить те потенциально плодотворные подходы и теории, которыми изобиловало его научное творчество.

В.В. Тихонов

Русистика Руслана Скрынникова. Сборник статей памяти профессора Р.Г. Скрынникова в честь его 80-летия / Под ред. Д. Свака и И.О. Тюменцева. Будапешт; Волгоград, 2011. 288 с.

Рецензируемая книга, выпущенная в память Р.Г. Скрынникова, является пятым по счёту сборником статей в его честь, начиная с 1993 г., что количественно сопоставимо лишь с изданиями, посвящёнными Л.В. Черепнину и А.А. Зимину. Очевидно, что вклад этих представителей советской исторической науки в изучение истории нашей страны не может быть переоценён и по-прежнему привлекает внимание исследователей.

Сборник открывается статьёй Д. Свака, предпринявшего попытку рекон-

струировать творческую биографию Р.Г. Скрынникова в контексте развития советской исторической науки последней трети XX в. В работе основоположника школы венгерской русистики помимо основательной проработки проблемного горизонта, в котором работал его учитель, присутствует ряд точных наблюдений, характеризующих его, например, как «медитативную личность» (с. 14). В очерке Свака Скрынников предстаёт неким «безмолвным борцом» с системой, а творческий заряд исследователя оказы-

вается противопоставлен современному ему периоду «брежневского застоя», когда «честные историки не решались заниматься теоретическими обобщениями», удаляясь в своего рода добровольную ссылку в «антикварную историю» (с. 11).

Парадокс, однако, состоит в том, что для многих историков того времени именно «брежневский застой» оказался звёздным часом в реализации их научных начинаний. Во-первых, 1970-е – начало 1980-х гг. оказались удивительно «либеральными» для публикации целого ряда теоретических трудов западноевропейских учёных, содержавших плодотворные для гуманитарных наук идеи. В это время большими тиражами в СССР были изданы новаторские работы Э. Бенвениста, М. Фуко, Т. Куна, знаменитый сборник «Философия и методология истории», сборники работ Р.Дж. Коллингвуда, К. Поппера и К. Леви-Стросса¹, хотя советским историкам и надлежало относиться к ним критически. Во-вторых, воспринимать всерьёз утверждения автора об обязательном порядке цитирования «классиков марксизма-ленинизма» не следует: целый ряд книг по истории России в то время выходил без ссылок на них. Главное, однако, состоит не в этом. Историческая наука, конечно, нуждается в обобщающих методологических концепциях, дающих системную характеристику обществу или мироустройству, но для успеха исторического исследования вовсе не обязательно, чтобы в нём эти концепции были заявлены и реализованы. Обобщающие концепции могут присутствовать в исследовании имплицитно, а историк обязан твёрдо следовать предписаниям избранной им «теории среднего уровня», пытаясь воплотить заявленную методику исследования источников. Именно так создавались классические труды В.Л. Янина, основанные на сумме методических приёмов сфрагистики («Актовые печати Древней Руси»), комплексного источниковедения («Очерки комплексного источниковедения: средневековый Новгород») и генеалогии («Новгородская феодальная вотчина»).

Заслуги Р.Г. Скрынникова в понимании истории России XVI – начала XVII в. велики и многообразны. В активе современной науки остаётся его анализ си-

стемы вассально-княжеских отношений, предпосылок и хронологии опричнины, механизма опричного террора, феномена «заповедных лет», самозванства, природы народных движений периода Смуты. Введённые им в оборот источники, его аргументация и концептуальные построения были не только с интересом восприняты, но и остались в актуальном научном обороте до настоящего времени. Конечно, Скрынников далеко не всегда обращался к архивным источникам. Например, проблеме «заповедных лет» он изучал не по подлинным документам, а по публикациям Д.Я. Самоквасова и Г.Н. Анпилогова. Но и в этом случае Скрынников использовал в своём исследовании неопубликованные писцовые книги 1580-х гг. Результатом его изысканий стало появление непревзойдённых работ по истории России второй половины XVI – начала XVII в. К его трудам, как ни к каким другим, применима метафора Пушкина, сказанная им по поводу последних томов Карамзина: «Это злободневно, как свежая газета»².

Статья III. Сили посвящена работам Скрынникова о завоевании Сибири в 1580-х гг. Автор с сожалением констатирует, что российские историки в массе своей до сих пор игнорируют выводы Руслана Григорьевича. Справедливости ради следует отметить, что версия похода Ермака – это единственное концептуальное построение Скрынникова, которое не оказало существенного воздействия на современные научные знания о России XVI в. Другие его идеи заметно повлияли и продолжают оказывать влияние на процесс выработки нового знания.

По своему содержанию сборник делится на статьи, посвящённые истории XV–XVI вв. и Смутного времени. Исследования первой части сборника открываются статьёй А.И. Алексеева «Об авторстве одного отрывка, приписываемого новгородскому архиепископу Геннадию Гонзову». Автор осуществил текстологический анализ фрагмента, в котором затрагивались эсхатологические сюжеты, атрибутированного Н.А. Казаковой и Я.С. Лурье новгородскому владыке. Чтобы уточнить авторство «Отрывка», Алексеев обстоятельно рассмотрел корпус сочинений, достоверно созданных Геннадием,

и пришёл к выводу, что «текст Отрывка является ответом на Послание архиепископа Геннадия архиепископу Иоасафу», но написал его не сам Иоасаф (с. 60). Проанализировав послание другого активного участника дебатов конца XV в. – Дмитрия Траханиота – автор показал, что именно он мог быть автором «Отрывка».

В.И. Ульяновский также обратился к трудам одного из иерархов конца XV в. – митрополита Спиридона-Саввы. В дискуссии об обстоятельствах и времени написания его «Изложения» автор поддержал точку зрения митрополита Макария (Булгакова) о том, что текст написан Спиридоном в Литве для паствы Киевской митрополии и не имеет отношения к дискуссии иосифлян и нестяжателей (с. 118–137).

Статья Дж. Мартин «От отцов к сыновьям? Собственность и наследственные права помещиков в Московии XVI в.» посвящена сложной проблеме соотношения между государственной собственностью и владельческими правами служилых людей. Автор сопоставила данные о землевладении помещиков Клементьевых в новгородских пятинах и Ливонии в 1530–1580-х гг. и установила, что тенденция, когда поместье остаётся во владении членов семьи, к этому времени проявилась, но не стала господствующей. На примере Клементьевых показано, что когда помещики покидали свой регион, они сохраняли права лишь на определённое количество земли, но не на конкретные поместные дачи, что подтверждает суждения Р.Г. Скрынникова о верховной собственности государства на землю (с. 73).

К неожиданному выводу приходит А. Клеймола в статье «“Я не буду слушать свою мать”: присяга Владимира Старицкого 1554 г.». Сопоставив различные факты политической истории России первой половины XVI в., она показала отсутствие явно выраженной оппозиционности старицких князей в 1550-х гг. Согласившись с версией о тенденциозности летописных сообщений, американская исследовательница предприняла убедительную попытку объяснить акты присяги кн. Владимира в апреле и мае 1554 г. готовившимся разводом Старицкого с Авдотьей Нагой, последовавшим в апреле 1555 г., и его свадьбой

с Авдотьей Одоевской, состоявшейся 28 апреля 1555 г. (с. 80). Удалённая в Воскресенский Горицкий монастырь, мать удельного князя Евфросинья Старицкая в соответствии с традицией должна была оказать влияние на выбор сына, но не могла этого сделать по причине запрета в акте присяги. Результатом стал брак кн. Владимира с дочерью кн. Р.И. Одоевского, принимавшего активное участие в «поимании» его отца Андрея Старицкого в 1537 г., – брак, который по определению не мог укрепить положение удельного княжеского дома в среде придворной аристократии.

Языку посланий Ивана Грозного посвящена статья Ч. Гальперина «Ты собака! Собачья брань Ивана IV». Известные факты активного использования слов «собака», «пес», «собачий» в посланиях царя автор интерпретирует в широком контексте традиций восточнославянской культуры. Многочисленные примеры называния врагов собаками найдены автором в литературных произведениях XV–XVI вв., что позволило ему отвергнуть концепцию А.А. Булычёва, согласно которой, используя медведей и собак как орудия казни, Иван Васильевич предавал преступников Божьему суду, поскольку именно Бог решал, убьёт или пощадит животное обвиняемого. Проанализировав известные факты, Гальперин приходит к выводу, что рассказы об использовании собак и медведей для казней не более чем недостоверные легенды и слухи о жестокости и варварстве царя Ивана (с. 98). Автор статьи отказывается видеть в словах царя отражение эсхатологических представлений, предпочитая традиционное объяснение: «Творческое использование Иваном негативных собачьих ругательств в литературных произведениях было целиком основано на книжных моделях и продиктовано собственным жизненным опытом» (с. 100).

Д. Кайзер скрупулёзно проанализировал документальные материалы, касающиеся владений и завещаний известного дьяка середины XVI в. Мясоеда Вислого, казнённого в 1570 г. В противовес выводам П.А. Садикова, определившего сделки Вислого с земельной собственностью как спекуляции, замешанные на коррупции, автор показал, что завещанные Кирилло-

Белозерскому монастырю вотчины дьяка действительно продавались обители за полцены (с. 110–114). С точки зрения Кайзера, завещания дьяка показывают его человеком глубоко верующим и преданным родному Белозерскому краю.

Статьи о Смутном времени открывает работа Ч. Даннинга «Царь Дмитрий и самозванчество». Автор утверждает, что Лжедмитрий I не был сознательным обманщиком, будучи убеждённым в своём царском происхождении. Не согласен Даннинг и с тем, что широкою поддержку Лжедмитрия следует рассматривать как «спонтанный, бессмысленный ответ людей на их положение или как результат циничных манипуляций аполитичными массами» (с. 143). Отвергает он и весьма влиятельные концепции «народной социальной утопии» К.В. Чистова и «бинарной структуры» русской культуры Ю.М. Лотмана и Б.А. Успенского (с. 144–145). При этом исследователь не сомневается в религиозных корнях самозванства, объединявшего представителей всех классов в борьбе за праведного царя (с. 146).

Н.В. Рыбалко, скрупулёзно проанализировав документальный материал, привела данные о службе государевых печатников в 1598–1613 гг., согласившись с суждением Д.В. Лисейцева об отсутствии Печатного приказа в годы Смуты (с. 154–155). И.О. Тюменцев развивает наблюдения И.И. Смирнова и И.Л. Андреева над текстом известного «Послания дворянина дворянину» и предлагает его новую датировку. По мнению автора, вторая часть «Послания...» была создана в феврале–октябре 1612 г.: после кончины патриарха Гермогена, но до освобождения Москвы от поляков (с. 161–162). П.В. Епифановский заново исследовал состав смоленского гарнизона в обороне 1609–1611 гг., отметив большой удельный вес служилых людей по отчеству и прибору в составе гарнизона (с. 172–173). В.Г. Ананьев рассмотрел персональный состав «семибоярщины», используя приёмы просопографического исследования, придя к выводу, что этот орган управления формировался на основе традиций местничества и пропорционального представительства родов (с. 176–184).

Т. Бохун в статье «В поисках нового царя и московское предложение кандидатуры королевича Владислава» рассмотрел развитие идеи династической унии Речи Посполитой и Московского государства со времени посольства Льва Сапеги в 1600 г. По мнению автора, после 1600 г. мысль о возведении Владислава на московский престол не звучала ни в официальных русско-польских переговорах, ни в антимосковской пропаганде в Речи Посполитой. В конце 1606 г. гонец Иван Безобразов от имени части боярской думы изъясил готовность выдвинуть его кандидатуру в случае свержения с престола Самозванца, однако Сигизмунд и правящие круги Польско-Литовского государства проигнорировали это предложение. Фактически впервые об этом всерьёз заговорили в феврале 1610 г. под Смоленском, на переговорах Сигизмунда с тушинской делегацией (с. 199–200).

Статья А.П. Павлова посвящена утверждению при дворе Михаила Фёдоровича родни царицы Евдокии Стрешневой. Автор привёл свидетельство о возвышении дяди будущей царицы ещё в 1624 г., что могло способствовать выбору царской невесты, а также впечатляющие перечни Стрешневых и их родственников и свойственников, продвигавшихся по службе в столице и провинции вследствие царского брака. В числе бенефициаров взлёта Евдокии Стрешневой оказался даже её духовник из Калуги (с. 204).

В работе Д.А. Ляпина «Социальный состав участников волнений в городах Юга России в середине XVII в.» представлен анализ российской историографии проблемы и изложены факты руководства и участия в движении служилых людей. Приведённые автором факты убедительны, но релевантны лишь для городов Засечной черты, следовательно, критика в адрес В.И. Буганова, исследовавшего восстания в Москве и принимавшего во внимание восстания в Новгороде и Пскове, не может быть признана справедливой (с. 221). Ведущая роль посадских людей в Псковском восстании 1650 г. общепризнанна, а роль борьбы за власть в правящей элите как катализатора движения низов была изучена на примере Смуты ещё С.Ф. Платоновым.

Символика власти, а именно царская геральдика, стала предметом изучения в статье М. Перри, рассмотревшей восприятие образа орла на российском гербе промосковскими кругами населения Левобережной Украины и старообрядцами Дона. По мнению автора, украинцы видели в изображении на гербе библейский образ орла-покровителя из Второзакония (Втор. 32:11). Донские старообрядцы во главе с их идейным руководителем попом Самойлом тоже смотрели на герб сквозь призму библейских символов, но усматривали в нём орла-угнетателя из третьей книги Ездры (3 Ездр. 11), отождествлявшегося первыми христианами с римским императором, а старообрядцами с царём Алексеем Михайловичем (с. 235–237).

Тема законности и её соблюдения в России второй половины XVII в. нашла отражение в статье П.В. Седова. Автор отходит от прокламируемого во многих трудах по истории права подхода, заключающегося в абсолютизации официального законодательства, и осуществляет исследование практики правоприменения на материалах делопроизводства двух монастырей. Вывод автора идёт вразрез с традиционными представлениями о России как государстве, где не соблюдаются законы и торжествует правовой нигилизм. Законы, с точки зрения Седова, российские чиновники знали, но вынуждены были соизмерять обыденное понимание закона населением с провозглашённым писаным правом, результатом чего и были коррупция и волокита (с. 250–251).

С.В. Мирский подготовил к печати и прокомментировал письмо польского наемника Яна Вислоуха, содержащее описание похода Лжедмитрия I в первой

половине 1605 г. Автор отмечает важность сохранившихся в письме сведений о широких масштабах первого заговора Шуйских, в котором, по его словам, участвовали «десять тысяч сынов боярских» (с. 262). Завершает сборник публикация Н.В. Рыбалко и И.О. Тюменцевым девяти писем касимовского царя Ураз-Мухаммеда Я. Сапеге, относящихся к декабрю 1608 – маю 1609 г. Из них становится ясно, что Ураз-Мухаммед перешёл на сторону «тушинского вора» после подтверждения прав на прежние владения служилых татар и получения в вотчины и поместья целых волостей и станов в Углицком, Владимирском и Романовском уездах.

Подводя итоги, отметим актуальность рассматриваемых в сборнике проблем, многие из которых были впервые поставлены в трудах Р.Г. Скрынникова. Преемственность идей учителя и его учеников и последователей свидетельствует о его значительном вкладе в развитие в российской историографии научного направления по исследованию социально-политической истории XV–XVII вв.

В.А. Аракчеев

Примечания

¹ Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974; Кун Т. Структура научных революций. М., 1977; Фуко М. Слова и вещи. М., 1977; Философия и методология истории. М., 1977; Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980; Поннер К.Р. Логика и рост научного знания: Избранные работы. М., 1983; Леви-Стросс К. Структурная антропология. М., 1983.

² Пушкин А.С. Собрание сочинений в десяти томах. Т. 9. М., 1977. С. 182.

Н.-Н. Nolte. Geschichte Rußlands. Mit zahlreichen Karten, Schaubildern und Tabellen. Stuttgart: Philipp Reclam jun., 2012. 576 S.*

Ханс-Хайнрих Нольте – выдающийся немецкий учёный, изучающий историю России, доктор, профессор, много лет руководивший семинаром по Восточно-

Европейской истории Ганноверского университета. Основатель и бессменный главный редактор журнала «Zeitschrift für Weltgeschichte» с 1998 г., он стал ор-

* Х.-Х. Нольте. История России. С многочисленными картами, графиками и таблицами. Штутгарт: Изд-во Филиппа Реклама мл., 2012. 576 с.